

*К. М. Мацан**

СОФИЙНЫЙ ПЕРСОНАЛИЗМ В РАБОТАХ В. В. ЗЕНЬКОВСКОГО**

В статье предпринята попытка рассмотреть учение протопресвитера В. В. Зеньковского о личности в связи с его софиологической концепцией. Софиология Зеньковского проанализирована как срединный путь между софиологическими взглядами С. Булгакова и Е. Трубецкого. В отличие от Булгакова, Зеньковский подчеркивает необходимость не просто различать, но онтологически раздвигать Софию Божественную и Софию тварную, оставляя в неприкосновенности библейскую идею творения «ex nihilo». В то же время Зеньковский подчеркивает, что в учении Булгакова о Софии момент такого раздвижения может быть при внимательном чтении обнаружен. В отличие же от Трубецкого, Зеньковский настаивает на необходимости наряду с Софией Божественной все же мыслить Софию тварную как идеальную основу мира, как софийное начало, «свободное от власти времени и пространства». В человеке это софийное начало присутствует как личность и самосознание, невыводимые «снизу» из тварной психической природы человека. Поэтому личность может быть понята как выражение «образа Божьего» в человеке, что в концепции Зеньковского предстает именно софийной антропологией. Понятия «личность», «духовное начало» и «образ Божий» оказываются в системе Зеньковского однопорядковыми. В духовном, личностном начале человека как «образа Божьего» сосредоточено и софийное начало всего мира. Наряду с учением С. Н. Булгакова учение Зеньковского о личности представляет собой вариант «софийного персонализма».

Ключевые слова: персонализм, софиология, Е. Н. Трубецкой, С. Булгаков, В. Зеньковский.

K. M. Matsan

SOFIANIC PERSONALISM IN THE WORKS OF V. V. ZENKOVSKY

The article attempts to examine V. Zenkovsky's teaching about personality in connection with his sophiological concept. Zenkovsky's sophiology is analyzed as a middle path between

* Мацан Константин Михайлович, аспирант, МГУ им. Ломоносова; научный сотрудник, Русская христианская гуманитарная академия; kmatsan@gmail.com

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–311–90024.

the sophiological concepts of S. Bulgakov and E. Trubetskoy. Unlike Bulgakov, Zenkovsky emphasizes the need not only to distinguish, but to ontologically push apart Divine Sophia and created Sophia, leaving the biblical idea of creation «ex nihilo» intact. At the same time, Zenkovsky emphasizes that the moment of such a pushing apart can just be detected in Bulgakov's teaching about Sophia. Unlike Trubetskoy, Zenkovsky insists on the need, along with the Divine Sophia, to nevertheless conceptualize the idea of the the created Sophia as the ideal ground of the world, as the Sophianic basis «free from the power of time and space.» In humans this Sophianic principle is presented as a person and self-consciousness, which can't be deduced «from below» out of the created mental nature of man. Therefore, a person can be understood as an expression of the «image of God» in humans, which in Zenkovky's appears precisely as sophianic antropology. The Sophianic principle of the world, according to Zenkovsky, is concentrated in the ideal, spiritual principle of man — in his personality as «the image of God». Along with the teachings of S. N. Bulgakov's doctrine of Zenkovsky's personality is a variant of «Sophianic personalism».

Keywords: personalism, sophiology, N. Berdyaev, S. Bulgakov, V. Zenkovsky, V. Lossky.

Василий Васильевич Зеньковский признавался, что в создании своей философской системы решающими для него были «размышления над понятием «личности»», «построение метафизики человека» [10, с. 37]. Как отмечают исследователи, «начиная с самых ранних работ по психологии и педагогике и заканчивая поздними религиозно-философскими трудами, «личность» является либо непосредственным предметом, либо ключевым понятием» [17, с. 141] в работах Зеньковского. С. М. Половинкин характеризовал Зеньковского как персоналиста [23, с. 28].

Анализ текстов Зеньковского показывает, что существенным элементом его персоналистских построений выступает софиология. И хотя антропология Зеньковского в целом ранее не раз становилось предметом исследования [4; 5; 18], попытки предложить системное описание связи персонализма и софиологии в работах русского философа практически не предпринимались. В фундаментальном обобщающем труде С. М. Половинкина «Русский персонализм» главы о Зеньковском нет.

В одном из ключевых персоналистских текстов Зеньковского — «Проблемы воспитания в свете христианской антропологии» (1934) — тема Софии занимает значительное место. В духовной жизни человека Зеньковский различает два основных момента — связанных, но не тождественных: «искание Бесконечности и искание Абсолюта (Бога)» [14, с. 74]:

Оба движения духа — томление о Бесконечном и жизнь в Боге — дают начало религиозному опыту. Поэтому есть два типа религиозного опыта: «естественный», в своей вершине восходящий к пантеистическому мистицизму, к восприятию божественного начала в мире (тварной Софии), — и благодатный, где Сам Бог (а не тварная София) открывается человеку. Первый опыт имперсоналистичен, ведет к пантеизму, к остановке на «божественном», — второй персоналистичен, восходит к Божеству (а не «божественному»), от тварной Софии восходит к Абсолюту [14, с. 74].

Софиологию Зеньковского можно рассматривать как срединный путь между софиологическими воззрениями С. Н. Булгакова и Е. Н. Трубецкого. В многоплановой софиологии Булгакова выделяют соотношение Софии Бо-

жественной и Софии тварной как *natura naturans* и *natura naturata* [2, с. 315; 3, с. 141], представление о «единой тварно-нетварной, небесной-земной Софии» [6, с. 194], то, что Зеньковский определяет как «софиологический монизм» [14, с. 59]. Трубецкий же критиковал этот элемент софиологии Булгакова [25, с. 354] и настаивал на исключительно нетварном, божественном характере Софии: «Она — неотделимая от Христа Божия Мудрость и Сила. Если так, то мир, становящийся во времени, есть нечто *другое* по отношению к Софии» [25, с. 355]. В отличие от Трубецкого, Зеньковский настаивает, что наряду с Софией Божественной необходимо мыслить и Софию тварную как «идеальную основу мира, свободную от дефектов и ограниченности внешнего мира, от власти времени и пространства», «идеальную основу, лежащую глубже чувственной и изменчивой сферы явлений» [11, с. 395, 404]. В отличие же от Булгакова, Зеньковский настаивает на «софиологическом дуализме» [14, с. 59], подчеркивает, что «софийная основа мира и София в Боге... по способу их бытия *to genere* различны», «София в Боге есть *κόσμος νοητός*, софийная основа мира целиком принадлежит к тварному миру» [11, с. 412]. Зеньковский воздерживается от попыток онтологизировать «грань» между Богом и миром, оставляет в неприкосновенности идею творения, «согласно которой мир не рождается от Бога (тогда он, по существу, однороден с ним), не происходит от него, а *создается* Богом, впервые Им приводится к бытию» [11, с. 406]. Идея творения отлична «от идеи тождества, и идеи эманации, и идеи рождения, и раскрытия Абсолюта в мире» [11, с. 406]. Зеньковский настаивает на «онтологическом раздвижении» [11, с. 405–406] Бога и мира, на недопустимости как бы то ни было «смешивать порядок тварного и абсолютного бытия» [11, с. 407]. В рецензии на книгу Булгакова «Агнец Божий» Зеньковский подчеркивает, что

правильнее утверждать реальную и всецелую отличность тварного бытия от Абсолюта и стоять затем перед трудной проблемой их связи, чем, наоборот, признавать существенное единство тварного бытия и Абсолюта и затем стоять перед трудностью (невозможностью!) обосновать достаточную самобытность мира [15, с. 157].

Решение «трудной проблемы» с помощью идеи творения Зеньковский намечает в работе «Проблема космоса в христианстве» (1937):

Идеальность в космосе сотворена «по образу» идеальности несотворенной: идеи в Боге суть (как учили Св. Отцы) истинные «первообразы», а идеальные начала в мире носят на себе их образ, сотворены по их образу... Если идеи в Боге в своем единстве есть Божественная Премудрость (София), то мы должны признать, что идеальность в космосе носит на себе образ Божественной Софии и может быть справедливо названа Софией тварной [13, с. 90].

«Софийная основа мира есть целиком и до конца тварная, — заключает Зеньковский в работе «Преодоление платонизма и проблема софийности мира». — Это значит, что в понимании мира нами не привносится ни одного грана абсолютного начала» [11, с. 417].

Отметим, что софиологическая тема у Зеньковского получает особую проработку в текстах 30-х годов: «Преодоление платонизма и проблема софийности мира» (1930), «Проблемы воспитания в свете христианской антропологии»

(1934), «Проблема космоса в христианстве» (1937) — в самый разгар софиологических споров. В Определении Архиерейского Собора РПЦЗ от 17/30 октября 1935 года учение Булгакова о Софии было признано «еретическим» [21, с. 216]. В начале 1936 года в Париже митрополитом Евлогием (Георгиевским) была образована Комиссия «по делу об учении протоиерея С. Булгакова» [22, с. 52]. Зеньковский в 1937 году представил в Комиссию доклад, отметив, что «софиологическая доктрина протоиерея С. Булгакова может почитаться церковно-допустимым теологуменом» [7, с. 345]. В тексте доклада видна попытка защитить Булгакова пред лицом обвинений в ереси: даже в ключевом для себя пункте о принципиальном онтологическом раздвижении Софии Божественной и Софии тварной Зеньковский высказывается по отношению к Булгакову примирительно: «Если войти в анализ доктрины о С. Б. по существу, то совершенно ясно, что учение о существенном *единстве* Софии Божественной и тварной вовсе не устраняет их *столь же существенного различия*» [7, с. 327]. Можно вслед за А. П. Козыревым отметить, что софиологические работы Зеньковского написаны «в поддержку если не системы Булгакова, то его проблематики» [16, с. 233].

По мысли Зеньковского, «только на почве софиологии может быть развита система христианской антропологии» [14, с. 59]. Концепция личности у него связана с библейски-богословским учением об образе Божьем в человеке, которое транспонируется в область философской рефлексии, становясь основой для персоналистских построений.

Опираясь на построения В. И. Несмелова, для которого «первичным выражением акта восприятия бытия и, стало быть, конечным основоположением всякого реального мышления о бытии служит акт самосознания» [19, с. 56], Зеньковский отмечает, что самосознание «является основным признаком «личности» в человеке», «есть сознание своего единства, своего «я», своего своеобразия, своей отдельности» [14, с. 43]. Самосознание «не есть продукт природы, его никак нельзя вывести «снизу», в порядке генетической эволюции психики» [14, с. 44]; «начало личности непроеизводно, невыводимо из «состава» человека» [8, с. 126]. Самосознание личности «иноприродно тварному бытию, как таковому», поэтому оно есть «функция духа» и «конституирующий момент духовности» [14, с. 44]. Зеньковский подчеркивает: «Все тварное заключено в порядок природы, начало же духовности не объёмлется «порядком природы», от него независимо, невыводимо. Духовное начало не может быть мыслимо безличным, оно может быть только личным бытием» [14, с. 44].

В этой связи философ ставит вопрос: «Можно ли понятие личности применять законно к человеку, т. е. можно ли применять его к тварному существу? Тварность человека, его включённость в поток «бывания», говоря терминологией Платона, трудно соединимы с тем откровением о человеке, которое даётся в факте самосознания» [14, с. 45]. Ответ на этот вопрос для Зеньковского оказывается связан с понятием «образа Божьего». В самосознании, «открывается какая-то черта абсолютности, во всяком случае какой-то отсвет Абсолюта» [14, с. 43]. Как замечает мыслитель в «Принципах православной антропологии» (1951), понятие личности «в точном и полном смысле слова применимо *только к Богу*: в Боге все от Него Самого, Бог есть Абсолют, *causa*

sui, «самопричина»... Потому Бог и есть Личность (во Св. Троице), что в нем все лично, все «испостазировано» [12, с. 481]. Опираясь на «Главы о Троичности» отца Сергия Булгакова [1, с. 40], Зеньковский подчеркивает, что «понятие личности завершается для нас именно в идее Абсолютной Личности, т. е. в идее Бога, как Самосущего существа, ничем не обусловленного и ни от чего не происходящего» [14, с. 43]. Человек в этом смысле есть «только «образ» Абсолютной Личности (Бога)», «личность в человеке есть лишь образ личности в Боге» [12, с. 481, 484]. Вслед за В. И. Несмеловым [20, с. 178] Зеньковский отмечает: «Только приняв такую характеристику момента личности, т. е. видя в ней «образ», как бы «сияние» некоего Первообраза, Личности Абсолютной, мы можем построить понятие «тварной личности», уяснить себе смысл этой загадочной антиномии» [12, с. 483]. Антиномичность понятия «тварная личность» Зеньковский акцентирует особо:

При том, что личность в человеке является *субъектом* его жизни, человек ограничен со всех сторон — прежде всего тем, что *над* ним (Бог, высший духовный мир, все «трансцендентальное» — логика, сфера ценностей и т. п.), тем, что *рядом* с ним (социальной средой, нравами, вообще «социальной традицией»), и, наконец, тем, что *под* ним, т. е. всей дочеловеческой природой, ее законами, ее «слепыми» процессами, игрой случайностей в жизни земли, в жизни космоса... Личность в человеке, в свете этого, есть самое загадочное в нем, ибо, завися от «всего», она все-таки как бы «сама от себя», она как бы изначально, ни из чего невыводима [12, с. 482] (ср.: [19, с. 63]).

Таким образом, «личность», «духовное начало» и «образ Божий» в системе Зеньковского предстают однопорядковыми понятиями. Зеньковский следует построениям В. Штерна [24], подчеркивая, что «личность в человеке ограничена его включённостью в природу, но в самом человеке все личностно» [13, с. 45], и добавляет от себя: «Все в человеке потому и личностно, что все соотносено к духовному началу, что человек всегда и во всем духовен. Эта духовность... загадочно сочетается с тварностью, но все же она есть средоточие, живая сердцевина человека, истинный центр («реальное я»), основа индивидуальности, его метафизическое ядро» [14, с. 47]. Тот же тезис Зеньковский отстаивает и с психолого-педагогической стороны в статье «Об иерархическом строе души» (1929), к которой постоянно отсылает читателей в своих персоналистских трудах. В статье приводится «пневматологическое обоснование психической жизни»: духовная глубина в человеке «онтологически предваряет двойственность телеснопсихической его жизни» [9, с. 746]. «Лучи духовности, — пишет Зеньковский, — пронизывают собой всю нашу психику, начиная с самых элементарных процессов и завершаясь в той высшей жизни, которая творится интеллектом и волей и которая всегда охвачена стремлением к Бесконечному» [9, с. 747]. Таким образом, «духовная жизнь в нас и есть источник самовидения, источник света в излучениях которого осуществляется сознание самого себя, — это есть сердцевина личности, связью с которой и держится вся наша личность в полноте ее сил» [14, с. 51]. Понятия «самосознания», «личности» и «образа Божьего» Зеньковский смыкает в единый контур в «Принципах православной антропологии»:

Само это понятие «образа Божьего» означает, что в ней (человеческой личности. — К. М.) отпечатался образ Абсолютной Личности — и без связи с Абсолютом, т. е. теряя «образ» Абсолюта, она (человеческая личность. — К. М.) становится ничто. Самосознание, видение самой себя, существование для самой себя есть *непроизводное* начало в личности, и его нельзя понять иначе, как только дар свыше [12, с. 490].

Так как «начало личности» в человеке «непроизводно, невыводимо» из порядка тварного бытия, это начало есть «выражение образа Божьего» [14, с. 45, 42]. Таким образом, личность, по Зеньковскому, может быть понята именно софиологически — как явление в человеке софийного начала, «свободного от власти времени и пространства», «лежащего глубже чувственной и изменчивой сферы явлений» [11, с. 395, 404]. В концепциях отца Сергия Булгакова Зеньковский подчеркивает «богатство софиологического истолкования важнейшего догмата христологии — о двух природах во Христе при единстве ипостаси» [23, с. 59]. Этот догмат предстает у Зеньковского богословской аналогией софиологическому пониманию личности как антиномии — как «тварного духа» [14, с. 44] с его «*исходной двойственностью*» ввиду того, что «человек носит в себе тайну времени и сверхвременности, ограниченности и бесконечности. В своем духовном бытии человек обнаруживает тварность духовного мира, но и его идеальность». И обратно: «учение о человеке требует софийного учения о мире» [11, с. 419]. Человек софиен, так как в нем есть определяющая основа — начало личности, «примат духовного начала», который означает «сплошную укорененность всего в духе, сплошную связанность духа с его эмпирией» [14, с. 51]. Но так же софиен и мир, в нем так же есть «идеальная основа, связывающая мир в живое целое, неизменная, неистощимая в своей творческой силе, бесконечная в своей свободе от границ пространства и времени, энтелехийно определяющая развитие мира в целом и в отдельных его формах» [14, с. 56]. Зеньковский заключает:

Образ Божий есть начало личности, софийное средоточие в человеке, через духовную сферу, всего мира. Поскольку мир призван к личности, постольку в самом мире почил образ Божий — в сочетании сверхвременного и сверхпространственного с границами времени и пространства, в сочетании единства со множеством, неиссякающей силы бытия со сменой событий, живых форм. Поэтому в духовной своей основе человек находит глубокое и подлинное единосущие со всей тварной Софией [14, с. 75].

Как видно, существенным элементом персоналистских построений Зеньковского предстает его софиология. «Софийная антропология» [14, с. 57] Зеньковского заключается в понимании личности как софийного феномена. С. М. Половинкин писал о «софийном персонализме» отца Сергия Булгакова [24, с. 514–672]. Это же определение уместно применить и к концепции протопресвитера Василия Зеньковского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков С. Н. Главы о Троичности // Православная мысль. — 1928. — № 1. — С. 31–88.
2. Булгаков С. Н. Свет невечерний. — М.: Директ-Медиа, 2014.
3. Булгаков С. Н. Философия хозяйства. Ч. 1. — М.: 1912.
4. Гребешев И. В. Становление личности в христианской антропологии В. В. Зеньковского // Пространство и время. — 2015. — № 1–2 (19–20). — С. 176–182.
5. Ермишин О. Т. Василий Зеньковский. — СПб.: Наука, 2017.
6. Зандер Л. А. Бог и мир. Миросозерцания отца Сергия Булгакова. Т. 1. — Париж: YMCA-Press, 1948.
7. Зеньковский В. В. Доклад, представленный в Комиссию «по делу о сочинениях протоиерея С. Булгакова» // Записки русской академической группы в США. — 2016. — Т. XXXIX. — С. 322–347.
8. Зеньковский В. В. Единство личности и проблема перевоплощения // Христианство и индуизм. — М.: Свято-Владимирское издательство, 1992. — С. 116–143.
9. Зеньковский В. В. Об иерархическом строе души // Педагогические сочинения. — Саранск: 2002. — С. 735–747.
10. Зеньковский В. В. Очерк моей философской системы // Вестник РСХД. — 1962. — № 66–67. — С. 37–39.
11. Зеньковский В. В. Преодоление платонизма и проблема софийности мира // Собр. соч. — М.: Русский путь, 2008. — Т. 1. — С. 394–419.
12. Зеньковский В. В. Принципы православной антропологии // Собр. соч. Т. 4. — М.: Русский путь, 2011. — С. 469–507.
13. Зеньковский В. В. Проблема космоса в христианстве // Живое предание. Православие в современности. — М.: 1997. — С. 71–91.
14. Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. — М.: Издательство Свято-Владимирского братства, 1993.
15. Зеньковский В. В. [Рец. на кн.:] Прот. С. Булгаков. Агнец Божий. О Богочеловечестве. Ч. I. Стр. 463. Париж. YMCA-Press, 1933 // Собр. соч. — М.: Русский путь, 2008. — Т. 1. — С. 156–158.
16. Козырев А. П. Софиология о. Сергия Булгакова: теологема или философема // Философия религии. Альманах 2010–2011 / Шохин В. К. (ред.). — М.: 2011. — С. 227–240.
17. Летцев В. М. Личность как средоточие мировоззренческих исканий В. В. Зеньковского // Вопросы философии. — 2003. — № 12. — С. 140–146.
18. Летцев В. М. Христианская интуиция личности как исходное основание персоналистической метафизики В. В. Зеньковского // Христианская мысль. — 2004. — № 1. — С. 88–94.
19. Несмелов В. И. Вера и знание с точки зрения гносеологии. — СПб: Общество памяти игуменнии Таисии, 2015.
20. Несмелов В. И. Наука о человеке. — Казань, 1906. — Т. 2.
21. Определение Архиерейского Собора РПЦЗ от 17/30 октября 1935 года // Записки русской академической группы в США. — 2016. — Т. XXXIX. — С. 195–217.
22. Письмо Митрополита Евлогия митрополиту Антонию // Записки русской академической группы в США. — 2016. — Т. XXXIX. — С. 52–53.
23. Половинкин С. М. Русский персонализм. — М.: Изд. дом. «СИНАКСИС», 2020.
24. Резвых Т. Н. Вильгельм Штерн: персонализм, организм, телеология // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие, философия, религиоведение. — 2019. — № 85. — С. 73–87.
25. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни // Смысл жизни. Антология / Н. К. Гаврюшин, ред.-сост. — М.: Прогресс-Культура, 1994.